

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО:
СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
ADMINISTRATIVE OFFENCE OF A PUBLIC CIVIL SERVANT:
CONTENT OF THE SUBJECTIVE SIDE**

Кизилов Вячеслав

Владимирович,

*к.ю.н., доцент кафедры
административного и финан-
сового права НОУ ВПО «Ом-
ский юридический институт»
г. Омск.*

Kizilov Viacheslav

Vladimirovich,

*c.j.s, Associate Professor,
Department of Administrative
and financial law of the Non-
State educational institution
of Higher vocational education
«Omsk Institute of law», Omsk.*

Исследуются различные формы вины государственного гражданского служащего при совершении им административного правонарушения. Анализируются волевой и интеллектуальные моменты умышленной вины государственного гражданского служащего. Приводится авторская позиция по соотношению умышленной вины и добросовестного заблуждения. Предлагается новая разновидность неосторожности, содержащая иные, чем в уголовном праве интеллектуальные и волевые моменты. Рассматривается соотношение неосторожной формы вины и юридической ошибки.

Ключевые слова: административное правонарушение, субъективная сторона правонарушения, формы вины, умысел, неосторожность.

Researches the various forms of guilt for committing by a public civil servant of an administrative offence. Examines the strong-willed and intelligent points of the willful guilt of a public civil servant. Here is given the author's position on correlation of intentional guilt and diligent misconception. Introduces a new kind of negligence that contains strong-willed and intelligent features which are different from the criminal law. Examines correlation of careless form of a guilt and juridical error.

Keywords: an administrative offence, a subjective side of an offence, a form of guilt, intent, negligence.

Субъективной стороной административного правонарушения государственного гражданского служащего является его психическое отношение к противоправному деянию и его последствиям. В качестве обязательного признака субъективной стороны административного правонарушения юридической наукой рассматривается вина делинквента и факультативные признаки – цель и мотив.

Установление виновности любого лица в содеянном правонарушении продиктовано презумпцией невиновности, и отсутствие вины в совершенном деликтном деянии исключает административное наказание. Как справедливо указано в комментарии к статье 2.2. КоАП РФ под редакцией Салищевой «вина является одним из важнейших признаков любого административного правонарушения» [9]. Поэтому факта установления конкретного государственного гражданского служащего, совершившего административное правонарушение, не достаточно для привлечения к административной ответственности, а требуется также определить степень и форму его вины, цели, мотивы и иные побуждения, толкнувшие государственного гражданского служащего к совершению административного правонарушения, т. е. установить субъективную сторону административного правонарушения.

В связи с тем, что КоАП РФ не содержит дифференциацию содержания вины в зависимости от административно-правового статуса делинквента – физического лица, которое он как субъект административной ответственности имеет в конкретном административно-деликтном правоотношении (физическое лицо, должностное лицо, водитель, индивидуальный предприниматель и т. п.), а по нашему мнению, формы вины могут иметь различное содержание, например, для физического лица и государственного гражданского служащего, считаем необходимым рассмотреть отличительные особенности содержания вины классических форм вины, имеющих место в административном праве.

Административные правонарушения государственными гражданскими служащими, по нашему мнению, могут совершаться не только умышленно, но и по неосторожности.

Нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривают для физического лица, а точнее для индивидуального субъекта административного права, две формы вины – умысел и неосторожность [1]. Причем нормативное определение умысла, как нам представляется, не допускает различного его толкования. Многие авторы

юридической литературы сходятся во мнении, что КоАП РФ различает прямой и косвенный виды умысла. Например, А. Н. Гуев с прямым умыслом делинквента связывает такие действия последнего, при которых правонарушитель:

- осознает противоправный характер своего деяния (например, лицо, совершающее мелкую кражу, осознает, что незаконно посягает на чужое имущество;
- предвидит вредные последствия своего деяния;
- желает их наступления [4].

Косвенный умысел А. Н. Гуев связывает с осознанием правонарушителем противоправного характера своего деяния и предвидения его вредных последствий, однако при этом правонарушитель «прямо не желает наступления вредных последствий, но сознательно их допускает либо относится к ним безразлично» [4]. Примеры, приводимые А. Н. Гувем в комментарии в части различных видов умысла, относятся к делинквенту – физическому лицу, но не к специальному субъекту административной ответственности – должностному лицу, а тем более государственному гражданскому служащему.

Следует согласиться с верным замечанием авторов другого комментария КоАП РФ, что описание признаков обеих форм вины: умысла и неосторожности в КоАП РФ максимально приближено к описанию форм вины, которые содержатся в ст. 24-26 УК РФ [9]. Близкое сходство упомянутых норм естественно, ибо разграничение преступления и административного правонарушения в основном проходит по объективной стороне составов правонарушений, а не по субъективной [9].

В статьях КоАП РФ имеется ряд составов административных правонарушений, наказание за совершение которых наступает только при наличии умысла в деяниях делинквента. Например, умышленное уничтожение или повреждение печатных материалов, относящихся к выборам, референдуму; умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества; умышленное невыполнение требований прокурора; умышленное повреждение или срыв печати; умышленная порча удостоверения личности гражданина и др. [1]. Однако в отношении государственного гражданского служащего наличие в составах административных правонарушений умысла для привлечения к административной ответственности является не только обязательным условием наступления административной ответственности, а скорее всего ее отягчающим фактором.

Составы административных правонарушений, совершенных умышленно, выделяют соответствующие слова и словосочетания в диспозициях правовых норм, например: «сокрытие» (документов, фактов), «уклонение» (от выполнения действия), «отказ» (в выдаче документа), «неповиновение», «принуждение» (к совершению действия), «распространение» (сведений), «воспрепятствование» (законной деятельности или реализации права), «заведомо ложное» (составление документа), «вмешательство» (в законную деятельность). Профессор Д. Н. Бахрах так же отмечал использование законодателем слов «заведомо ложное», «преднамеренное», «сокрытие», «с использованием тайников», «умышленная порча» [3, 488]. Как мы полагаем, рассчитывать на признание делинквента наличия у него умысла в совершении административного правонарушения не приходится, поэтому законодатель пошел на закрепление необходимых признаков в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ, анализ которых позволяет в большинстве случаев сделать вывод о субъективной стороне состава административного правонарушения.

Ряд авторов отмечает наличие в КоАП РФ формальных составов административных правонарушений, в которых умышленная вина заключается в осознании лицом противоправного характера совершаемого действия или бездействия [9]. Такое вполне допустимо, ввиду того, что вопрос об осознании противоправности совершаемого действия не встает, поскольку речь идет об очевидных недопустимых действиях. В этих случаях не требуется, чтобы делинквент точно знал, какой орган осуществляет административную юрисдикцию за совершение тех или иных действий, какое наказание последует за совершение правонарушения.

В материальных составах административных правонарушений, как нам представляется, умышленная вина включает также отношение нарушителя к наступившим вредным последствиям. В случае с государственным гражданским служащим, данный субъект административно-деликтных отношений должен предвидеть эти последствия и желать их наступления, либо сознательно допускать их наступление. Именно сознательное допущение наступления вредных последствий характеризует умысел как косвенный при отсутствии желания их наступления.

Каждому из перечисленных нами видов умысла присущи интеллектуальные и волевой аспекты. Интеллектуальный аспект может быть выражен в осознании государственным гражданским служащим, совершающим административное правонарушение, вредного и неправомерного

характера своего деяния в момент совершения деяния, а также в предвидении общественно опасных последствий данного деяния. Считается, что при прямом умысле должно присутствовать осознание возможности или неизбежности наступления опасных последствий, а при косвенном — только возможности.

Волевой аспект прямого умысла деликтного деяния государственного гражданского служащего состоит в желании им наступления общественно опасных последствий, а волевой аспект косвенного умысла исключает наличие такого желания, но предусматривает сознательное допущение общественно опасных последствий или безразличное отношении к ним.

Как нам представляется, осознание государственным гражданским служащим общественно опасного характера своего деликтного деяния означает знание, понимание делинквентом того, что совершаемое им действие или воздержание от него наносит вред общественным правоотношениям.

Априори считается, что государственный гражданский служащий в своей профессиональной деятельности должен руководствоваться законами и знать их, его деятельность должна носить законный характер и не причинять вред гражданам и юридическим лицам. Например, статья 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает в качестве обязанностей государственных гражданских служащих соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций [2]. Поэтому для определения умысла в деликтном деянии государственного гражданского служащего не требуется, по нашему мнению, устанавливать наличие интеллектуального аспекта присущего умыслу, т. е. доказывать, что государственный гражданский служащий осознавал незаконность совершаемого деяния. Как нам представляется, это вполне согласуется с принципом, согласно которому незнание закона не освобождает от ответственности. Если государственный гражданский служащий не осознавал, что его действие или бездействие запрещено и наказуемо законом, то налицо несоответствие лицом, замещающим должность государственной гражданской службы,

требованиям, предъявляемым к лицам, принимаемым на государственную гражданскую службу.

Указание на осознание вредного характера действия или бездействия по нашему мнению может иметь место в отношении государственного гражданского служащего с целью усиления мер административной ответственности к умышленным деликтным деяниям государственного гражданского служащего по сравнению с имеющим место административным правонарушением, совершенным по неосторожности.

Но, как известно, во всех правилах имеются исключения. И как нам представляется, такие исключения могут быть и в случаях административного правонарушения государственного гражданского служащего, что в первую очередь связано с дискреционными полномочиями государственных органов власти, а во вторую, с отсутствием надлежащей законодательной базы. Профессор Д. Н. Бахрах отмечал, что «иногда публичная администрация вынуждена действовать при отсутствии надлежащей законодательной базы. Например, когда ее «подводит» законодательная власть, принимая законы, для осуществления которых у администрации нет финансов. Или такая ситуация: за последние годы Конституционный Суд РФ принял ряд решений, признавших неконституционными некоторые нормы российских законов, но соответствующие изменения в законодательство вносятся не сразу. И тогда администрация вынуждена действовать в условиях правового вакуума» [3, 412-413].

Как нам представляется, в административно-правовых деликтах государственного гражданского служащего может присутствовать добросовестное заблуждение, т. е. наличие воли на совершение деликтного деяния корреспондирует с отсутствием осознания деликтности деяния, а наоборот, государственный гражданский служащий, совершая противоправное деяние, полагает, что его действия правомерны. Юридической практике известны случаи «добросовестного заблуждения», которые в большей мере нашли отражение в налоговых правоотношениях. Например, при рассмотрении налоговых споров имеют место случаи освобождения от ответственности по основаниям добросовестного заблуждения лица, привлекаемого налоговым органом к ответственности за совершение правонарушения в налоговой сфере. Однако эти случаи имеют отношение к делинквенту, являющемуся управляемой стороной в публичных правоотношениях. Как правильно отмечает А. В. Брызгалин, категории «незнание закона» и «добросовестное заблуждение» имеют различное содержание и значение.

По мнению указанного автора практической налоговой энциклопедии добросовестное заблуждение – это «неправильное понимание (ошибочное толкование) лицом точного смысла той или иной нормы законодательства о налогах и сборах, которое объективно возникает по причине неясности, неоднозначности и/или противоречивости ее содержания, но в условиях, когда лицо действовало с должной степенью усердия и осмотрительности с целью надлежащего исполнения своих обязательств» [10].

Таким образом, выявить добросовестное заблуждение делинквента в административном правонарушении можно только установив неясность, неоднозначность и/или противоречивость нарушенной и охраняемой КоАП РФ нормы законодательства, которой делинквент дал ошибочное (неправильное) толкование, а также тот факт, что делинквент предпринимал меры, направленные на уяснение правильного смысла нормы законодательства, но по каким-либо обстоятельствам у него не получилось это сделать правильно.

Учитывая, что охраняемые КоАП РФ правоотношения регулируются нормами различных отраслевых законов, вероятность добросовестного заблуждения со стороны государственного гражданского служащего в толковании законодательства достаточно велика. Мы вполне согласны с А. В. Брызгалиным и готовы распространить его выводы об обстоятельствах, свидетельствующих о неоднозначности норм действующего налогового законодательства России, на законодательство, регулирующее правоотношения в других сферах. В частности А. В. Брызгалин указывал на:

- последующее уточнение содержания нормы законодателем, когда последний в своих поправках в акт законодательства о налогах и сборах вносит уточнения, расширяя и сужая ее содержание;

- факты рассмотрения конституционности той или иной нормы Конституционным судом РФ;

- применение нормы и раскрытие ее содержания Высшим арбитражным судом РФ в соответствующем судебном акте с целью достижения единообразия судебной практики (данное обстоятельство уже само по себе свидетельствует о том, что до момента рассмотрения нормы ВАС РФ она не имела единообразного толкования);

- неоднозначную, т. е. противоречивую судебную практику различных судов России (т. е. когда по одному и тому же вопросу разные суды делают разные выводы) [10].

Однако имеется одно но, формулировка статьи 19.1 КоАП РФ учитывает «добросовестное заблуждение» делинквента и относит деяние,

совершенное под указанным заблуждением, к административному правонарушению – *самовольное, вопреки установленному федеральным законом или иным нормативным правовым актом порядку осуществления своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенного вреда гражданам или юридическим лицам*. Следует подчеркнуть, что данная норма закона предусматривает нарушение процессуальных норм права, которые определяют «порядок осуществления» права.

Фактами, подтверждающими наличие «добросовестного заблуждения» (иначе юридической ошибки) являются административно-правовые споры, разрешенные в судебном порядке не в пользу органов административной юрисдикции и не имеющие последствий в отношении должностных лиц данных органов административной юрисдикции за неправомерное решение, действие или бездействие, послужившие основанием возникновения административно-правового спора. К сожалению, вполне сформировавшийся институт обжалования неправомерных решений и незаконных действий или бездействия органов власти и их должностных лиц не граничит с институтом административной ответственности должностных лиц органов власти, принявших неправомерное решение или допустивших незаконное действие или бездействие.

В отличие от прямого умысла, волевой момент косвенного умысла выражается в том, что виновный не желает наступления общественно опасных последствий, но сознательно допускает наступление их или относится к ним безразлично.

Помимо деления умысла на прямой и косвенный в целях исследования причин возникновения административно-правовой деликтности государственных гражданских служащих в конкретных административно-правовых отношениях, ее детерминизма следует по аналогии с теорией уголовного права различать умысел еще по одному основанию – по времени его возникновения, которое разделяет деликтное деяние на заранее обдуманное и внезапно возникшее.

Как нам представляется, при внезапно возникшим умысле (промежуток времени от его появления до реализации минимален) деликтное деяние правонарушителя будет единичным и кратковременным. Когда же имеется возможность спланировать деликт или многократно его повторить это является свидетельством заранее обдуманного умысла.

Умышленные деяния делинквента, не секрет, имеют определенные мотивы и цели. Под мотивом понимается побудительный стимул, толкающий

правонарушителя на совершение противоправного деяния, а под целью представление правонарушителя об итоге своего деяния. Мотивом совершения административно-правового деликта государственным гражданским служащим вполне может быть наличие межличностного или межгруппового конфликта между сторонами административно-правовых отношений и желание государственного гражданского служащего доставить «неприятность» своему оппоненту [6]. Не исключена личная материальная заинтересованность государственного гражданского служащего, который деликтным поведением в административно-правовых отношениях подталкивает субъекта управления к вполне определенным решениям.

Мотив и цель не являются обязательными признаками субъективной стороны конкретных составов административных правонарушений государственных гражданских служащих, поэтому имеют в науке административного права только деликтологическое значение.

В контексте предложенных нами составов административных правонарушений государственных гражданских служащих [8] умышленная форма вины предусматривается в деликтах, связанных с активным неправомерным действием правонарушителя:

- воспрепятствование законной деятельности адвоката,
- воспрепятствование деятельности общественных объединений,
- служебный подлог (внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, изъятие из материалов дела документов),
- умышленная порча или уничтожение документов,
- принуждение к даче показаний,
- злоупотребление должностными полномочиями и другие.

Как нам представляется, умышленное деликтное деяние государственного гражданского служащего имеет не только правовые последствия, но и социальные, психологические. Совершенные с умыслом административные правонарушения государственным гражданским служащим дискредитируют власть как таковую не только перед потерпевшим, но и перед обществом в целом. Поэтому наличие в субъективной стороне административного правонарушения государственного гражданского служащего умысла должно служить основанием применения к данному делинквенту более строгих мер административной ответственности.

Второй формой вины, предусмотренной законом, является неосторожность, которая подразделяется в юридической литературе на легкомыслие (самонадеянность) и небрежность. Указанное подразделение неосторожности

прослеживается в тексте части 2 статьи 2.2. КоАП РФ, которая выделяет два возможных обстоятельства субъективной стороны:

- правонарушитель предвидел возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение таких последствий,
- правонарушитель не предвидел возможности наступления вредных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

В первом случае неосторожность именуют легкомыслием (самонадеянностью), во втором – небрежностью.

Как нам представляется из двух видов неосторожности наибольшее распространение имеет небрежность, так как, совершая то или иное действие, государственный гражданский служащий, как правило, не осознает его противоправности, хотя должен был и мог это осознавать. Причиной этого является, по нашему мнению, «административный восторг» лица, находящегося на государственной гражданской службе [13]. В состоянии указанного административного восторга государственный гражданский служащий воспринимает свои действия как законные, абсолютизирует свою правоту в любом правоотношении с управляемой стороной. Государственный гражданский служащий, осознавая себя на более высокой социальной ступени по сравнению с другими, может уже лишь на этом основании отказывать тем, кто находится ниже во властной иерархии или вообще не имеет отношения к власти.

Считается, что неосторожная вина определяется в законе применительно к материальным составам административных правонарушений и связывается исключительно с отношением нарушителя к последствиям своего действия [9].

Чтобы определить форму неосторожной вины в имеющем месте административном правонарушении государственного гражданского служащего следует установить объективные условия, в которых находился делинквент, причем необходимо помнить, что обязанность предвидения вредных последствий обусловлена административно-правовым статусом государственного гражданского служащего [2].

Считается, что неосторожная вина менее опасна, чем умышленная [11]. Однако, мы полагаем, что последствия для потерпевшей стороны от административно-правового деликта, совершенного государственным гражданским служащим не будут иметь различия от формы вины делинквента.

От неосторожной вины нужно отличать невиновное причинение вреда, при котором государственный гражданский служащий не несет

ответственности. Для невиновного причинения вреда характерно, что государственный гражданский служащий не должен и не мог предвидеть вредные последствия, наступившие в результате совершаемого им действия.

Согласно данному нами определению административного правонарушения государственного гражданского служащего [5, 123; 7, 122]:

Административное правонарушение гражданского служащего – не влекущее уголовной ответственности наказуемое деяние лица, замещающего должность гражданской службы, которое совершено при исполнении или в связи с исполнением гражданским служащим должностных обязанностей и повлекло нарушение установленных законом предписаний в правоотношениях, стороны которых не находятся во властном подчинении или прямой зависимости, а соблюдение данных предписаний побуждается нормами публичного права с целью защиты государственного или общественного порядка; собственности; здоровья, прав и свобод физических лиц; установленного порядка управления; а также имущественных прав и интересов юридических лиц,

у государственного гражданского служащего всегда имеется оппонент (другая сторона, причем не факультативная) в административном правоотношении. В случае, если этой стороной является физическое или юридическое лицо, то они достаточно активны в защите своих прав и интересов и, предвидя результат деликтного деяния государственного гражданского служащего, указывают ему на неправомерность действий или принимаемых решений и, как правило, с указанием нарушенных норм права. При таких обстоятельствах некорректно говорить о наличии вины в форме неосторожности, которая, по нашему мнению, хотя и имела место в первый момент административно-деликтного правоотношения, но, впоследствии, трансформировалась в умысел (ввиду разъяснения оппонирующей стороной правоотношения не только неизбежности наступления вредных последствий, но и сути деликтного деяния государственного гражданского служащего). По нашему мнению, если после этого государственный гражданский служащий будет настаивать на квалификации субъективной стороны административного правонарушения как совершенного по неосторожности, и что он не предвидел возможности наступления вредных последствий своих действий (бездействия), тогда уместно ставить вопрос о его соответствии занимаемой должности государственной гражданской службы.

Как нам представляется, ученые административисты неоправданно уделяют мало внимания вопросам изучения характерных черт различных форм вины, уповая на достаточное исследование их в рамках уголовного права.

По нашему мнению субъективная сторона административного правонарушения государственного гражданского служащего может вполне характеризоваться осознанием (предвидением) последствий своего деяния с одновременным заблуждением относительно правомерности (законности) своих действий (бездействия). Как показывает практика, большинство административно-правовых споров, разрешенных в пользу физических или юридических лиц, связано именно с такой оценкой своих деяний государственным гражданским служащим в статусе должностного лица органа административной юрисдикции. Примерами этого могут служить:

- привлечение к административной ответственности невиновного лица,
- возложение обязанностей по уплате излишне начисленных налогов (двойное налогообложение).

Вину в описанном выше случае можно было бы характеризовать как умысел, если бы не наличие заблуждения (юридической ошибки) государственного гражданского служащего относительно адресата управляющего воздействия в имеющем место правоотношении, объективной стороны и объекта правоотношения. Как нам представляется, такая комбинация субъективной стороны может быть названа неосторожностью, но в форме халатности. Именно определение халатности содержит необходимую нам характеристику деликтного поведения государственного гражданского служащего – неисполнение или ненадлежащее исполнение делинквентом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе.

Поэтому следовало бы установить отраслевое определение халатности в административном праве как разновидность формы неосторожной вины характеризующейся интеллектуальным и волевым моментом, когда виновное лицо осознает, предвидит и желает последствия своего деяния, но не осознает его противоправности.

Объективная сторона административного правонарушения государственного гражданского служащего, совершенного по неосторожности с формой вины «халатность», образующей юридическое основание административной ответственности, выражается в совершении данным государственным гражданским служащим от имени органа административной юрисдикции выраженных в его компетенции действий, направленных на достижение юридически формализованных и конкретизированных в правовом акте целей деятельности данного органа в отношении субъекта управления, не являющегося должной стороной регулируемого правоотношения. Данную

форму вины, думается, следует отличать от юридической ошибки, характеризующейся заблуждением делинквента относительно адекватности представления о фактических обстоятельствах содеянного им.

Мы согласны, что неосторожная вина менее опасна, чем умышленная. Но именно такая ее разновидность как халатность по данному нами определению имеет наибольшее проявление в административно-правовых отношениях, приводящих к административно-правовым спорам между органами административной юрисдикции и субъектами управления.

Должностные лица государственной гражданской службы при решении вопросов управления обязаны сопоставлять свои действия или бездействия с теми целями, которые закреплены для них законом, и, соизмеряя законность и целесообразность, не нарушать принцип приоритета прав и свобод человека. Такое поведение гражданского служащего обусловлено административным усмотрением, т. е. тем, что наделение государственно-гражданского служащего управленческими полномочиями осуществлено законом в определенном диапазоне дозволенного, и он, исходя из целесообразности того или иного действия в конкретной ситуации, варьирует свое поведение.

Неосторожность в виде небрежности характеризуется отсутствием интеллектуального и волевого моментов, т. е. государственный гражданский служащий в этом случае не только не желает, не допускает наступления вредных последствий своего деяния, но даже не предвидит такой возможности. Однако деяние государственного гражданского служащего считается виновным, так как на нем лежит обязанность быть внимательным и предусмотрительным в отношении возможных последствий, если имеется возможность их предусмотреть.

Признавая небрежность формой вины, законодатель руководствовался, как нам представляется, двумя критериями – объективным и субъективным. Первый обязывает, по нашему мнению, государственного гражданского служащего предвидеть вероятность наступления вредных последствий своих деяний, а второй – предполагает наличие у государственного гражданского служащего возможность предвидеть это.

Суть объективного критерия заключается в том, что на государственного гражданского служащего вследствие его административно-правового статуса, принадлежности к конкретному органу административной юрисдикции, имеющему свои положения, уставы и наделенному определенными полномочиями, возложена обязанность предвидеть возможность

наступления вредных последствий того или иного его деяния. Например, на того, кто дает обязательные к исполнению указания и влияет на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей управляемого субъекта, должна возлагаться обязанность предвидеть возможность наступления вредных последствий в результате его деяния.

Субъективный критерий небрежности заключается в возможности, в нашем случае, государственного гражданского служащего предвидеть наступление вредных последствий. Наука уголовного права связывает это с физическими или интеллектуальными данными человека в конкретной ситуации. Причем имеют значение и его индивидуальные особенности, и специфика окружающей обстановки [11].

Устанавливая вину в виде небрежности следует доказать, что делинквент не проявил необходимой внимательности и предусмотрительности как к выполнению обязанности, так и к возможности предвидеть вредные последствия. Для признания государственного гражданского служащего виновным с формой вины в виде небрежности необходима совокупность объективного и субъективного критериев. Общеизвестно, что в уголовном праве отсутствие любого из указанных критериев исключает вину, а следовательно, уголовную ответственность правонарушителя. Однако вряд ли такое правило подходит к административному правонарушению государственного гражданского служащего, так как в этом случае делинквент попросту уходил бы от ответственности.

Если государственный гражданский служащий не мог предвидеть возможность наступления вредных последствий своего действия или бездействия, то налицо случай его несоответствия занимаемой должности государственной гражданской службы, за исключением случаев совершения административного правонарушения в момент невменяемости делинквента [1]. Случаи, когда государственный гражданский служащий в своей профессиональной служебной деятельности не должен предвидеть вредных последствий своих деяний не допустимы по закону [2].

Мы допускаем исключение вины государственного гражданского служащего, если фактически имевшая место вина в форме неосторожности явилась проявлением сочетания в момент совершения деликта экстремальных условий, требующих повышенного внимания, немедленного реагирования и нервно-психических перегрузок, вызванных, например, переутомлением, угнетающей или подавляющей эмоцией, интеллект, волю, реакцией на известие о смерти близкого человека или о его собственной неизлечимой

болезни. Указанное психическое состояние делинквента также может привести к юридической ошибке, под которой в теории уголовного права понимается заблуждение делинквента относительно юридической характеристики деяния или относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень вреда совершенного деяния.

Неверная оценка государственным гражданским служащим совершаемого им деяния, в то время как в действительности оно является неправомерным (незаконным), может иметь место в условиях предоставления законом широких дискреционных полномочий государственному гражданскому служащему, когда правомерность деяний может быть достоверно оценена исходя не из буквы, а духа закона, и виновность делинквента в таких случаях трудно доказуема. Следует учитывать, что в этих условиях оценка государственным гражданским служащим собственных деяний достаточно сильно коррелирует с его интеллектуальными и психическими характеристиками.

Как нам представляется, выход за пределы (превышение) усмотрения государственным гражданским служащим не тождественен ни незнанию закона, ни его умышленному нарушению.

Как видно из анализа предусмотренных законом форм вины, осуществленного применительно к государственному гражданскому служащему, он выступает субъектом административной ответственности реализуя компетенцию органов административной юрисдикции в статусе должностного лица указанных органов. Причем во многих случаях вина государственного гражданского служащего будет считаться установленной, если он не докажет, что, действуя разумно и осмотрительно, предпринял в рамках своей компетенции все соответствующие нормативно установленным критериям результативности меры, необходимые для достижения юридически формализованной цели деятельности органа исполнительной власти. Аналогичное условие виновности предложено при применении дисквалификации в качестве наказания как формы квазиделиктной ответственности в виду неэффективной реализации полномочий исполнительной власти государственным гражданским служащим [12].

Имеется мнение, что вина должностного лица (государственного гражданского служащего, замещающего должность в исполнительных органах власти), может выражаться в ненадлежащем выборе или надзоре, а ее нормативное закрепление должно основываться на смешанном (объективно-субъективном) подходе, который в совокупности с презумпцией вины образует основу правового механизма ответственности за ненадлежащий результат

управления, опосредующего применение к должностному лицу наказания в случае, если оно не докажет, что, действуя разумно и осмотрительно, предприняло в рамках своей компетенции все соответствующие нормативно установленным критериям рациональности меры, необходимые для достижения юридически формализованной цели деятельности органа исполнительной власти [12].

Подводя итог изложенному, можно отметить следующие формы вины государственных гражданских служащих в совершаемых ими административно-правовых деликтах:

- умысел: прямой и косвенный,
- неосторожность: легкомыслие, небрежность и халатность.

Причем неосторожная форма вины в виде халатности относит некоторые частные случаи юридической ошибки (заблуждения), в отличие от таковых в уголовном праве, к виновным деяниям в виду специфики административно-правового статуса государственного гражданского служащего и специфики совершаемых им административных правонарушений.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2012].
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2012].
3. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник / Д. Н. Бахрах. – М.: Эксмо, 2010.
4. Гуев А. Н. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] – НПП Гарант-Сервис – Электрон. дан. – [М., 2012].
5. Кизиллов В. В. Административная ответственность гражданских служащих России: взгляд в будущее. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2011.
6. Кизиллов В. В. В помощь предпринимателям: защитим налогоплательщика // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] – НПП Гарант-Сервис – Электрон. дан. – [М., 2012].
7. Кизиллов В. В. Понятие административного правонарушения гражданского служащего // Проблемы права. 2011. № 4. – С. 119-123.

8. Кизилов В. В. Составы административных правонарушений гражданских служащих, предлагаемые для нормативного закрепления в КоАП РФ // Проблемы права. 2011. № 3. – С. 108-116.

9. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / [под общ. ред. Н.Г. Салищевой] (М.: Проспект – 2009) // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] – НПП Гарант-Сервис – Электрон. дан. – [М., 2012].

10. Практическая налоговая энциклопедия. Том 8. Понятие и состав налогового правонарушения. Условия привлечения налогоплательщика и налогового агента к ответственности / под ред. А. В. Брызгалина // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] – НПП Гарант-Сервис – Электрон. дан. – [М., 2012]

11. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. / под ред. В. П. Ревина. (2-е изд., испр. и доп. - М.: ЗАО Юстицинформ, 2009) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2012].

12. Шмалий О. В. Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти (теоретико-методологические аспекты) : автореф. дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2011.

13. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/a/55.htm> (дата обращения: 20.03.2012)

References:

1. Federal Law No. 195-FL of December 30, 2001, of The Code on Administrative Offences of the Russian Federation [Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30 dekabrja 2001 g. № 195-FZ]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2012.

2. Federal Law No. 79-FL of July 27, 2004 on the Public Civil Service of the Russian Federation [Federal'nyj zakon ot 27 ijulja 2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federatsii»]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2012.

3. Bahrah D.N. *Administrative Law of the RF: textbook* [Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik]. Moscow: E'ksmo, 2010.

4. Guev A. N. Comments to the Code on Administrative Offences of the RF [Kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Federatsii ob administrativnyh pravonarushenijah]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2012.

5. Kizilov V. V. *The administrative responsibility of civil servants of Russia: Prospection* [Administrativnaja otvetstvennost' grazhdanskih sluzhashhih Rossii: vzgljad v buduwee]. Saratov: Saratov University Publishing House, 2011.

6. Kizilov V. V. In help to entrepreneurs: let's protect a taxpayer [V pomoshh' predprinimateljam: zashhitim nalogoplatel'shika]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2012.

7. Kizilov V. V. The concept of administrative offences of a civil servant [Ponjatie administrativnogo pravonarushenija grazhdanskogo sluzhawego]. *Problemy prava – Problems of Law*, 2011, no. 4, pp. 119-123.

8. Kizilov V. V. The structures of administrative offences of civil servants proposed for normative enshrining in the Code on Administrative Offences of the Russian Federation [Sostavy administrativnyh pravonarushenij grazhdanskih sluzhawih, predlagaemye dlja normativnogo zakreplenija v KoAP RF]. *Problemy prava – Problems of law*, 2011, no. 3, pp. 108-116.

9. *Comment to the Code on Administrative Offences of the Russian Federation* [Kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah]. under general reduction of Salishheva N. G., Moscow: Prospekt, 2009

10. The Practical Tax Encyclopedia. Vol. 8. Definition and Structure of a Tax Offence. Conditions of bringing of a tax payer and tax agent to responsibility [Prakticheskaja nalogovaja jentsiklopedija. Tom 8. Ponjatie i sostav nalogovogo pravonarushenija. Uslovija privlechenija nalogoplatel'wika i nalogovogo agenta k otvetstvennosti]. under edition of Bryzgalin A. V., *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2012.

11. *Criminal Law of the RF. General part. textbook* [Ugolovnoe pravo Rossii. Obwaja chast'. Uchebnik]. under red. Revin V. P., (2nd edition changed and added), Moscow: CJSC «Justitsinform», 2009.

12. Shmalij O. V. *Legal Support of Effectiveness of Executive Power (theoretical-methodological aspects)*: author's abstract, thesis of Doctor of Law: 12.00.14 [Pravovoe obespechenie e'ffektivnosti ispolnitel'noj vlasti (teoretiko-metodologicheskie aspekty)]. Rostov-on-Don: 2011.

13. <http://bibliotekar.ru/encSlov/a/55.htm> (accessed: 20.03.2012).